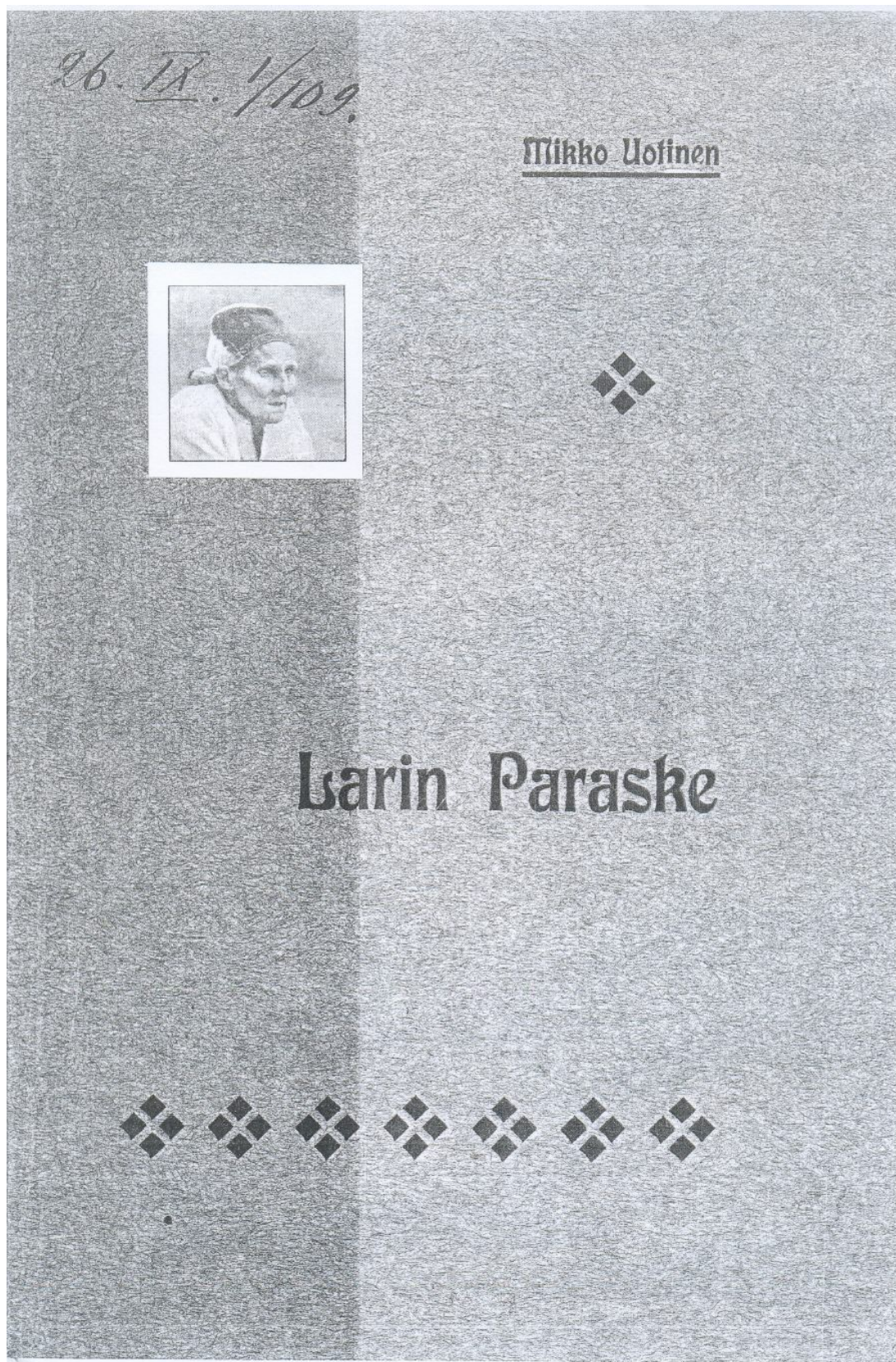

Uotinen, Mikko. Larin Paraske: elämäkerrallinen kuvaus.-
Viipurin Uusi kirjaino, 1911.

Перевод А.К.Молчанов

Уотинен, Микко. Ларин Параске: биографический очерк.-
Выборгская Новая типография, 1911.

Предисловие переводчика

Книга непростая. Написана неровно, несбалансированно, однако содержит немало интересных моментов. В какой-то мере она характеризует и Ларин Параску, и Микко Уотинена, и обстановку того, кстати, не столь уж давнего времени в полусотне километров севернее Петербурга.

Общепринятая форма «Ларин Параске» соответствовала бы русскому «Ларинская Параска». Ларин - родовое имя по мужу, Гаврилу Степанову из «Ларина рода». Параска - от Параскева (пятница, греч.), созвучное с «парас» (лучший, финск.) Это имя было, видимо, нередким здесь в те времена (вспомним Пушкина), но в XX в. исчезло, получив даже уничижительное соответствие «параша» (тюремн. жарг.)

Судя по всему, в искусстве Параска оказалась «левой». Судьба таких в искусстве незавидна, по крайней мере, при жизни. Так и здесь - публикация как обзора, так и сборников ее материалом если в какой-то мере и состоялась, то намного позднее. По дате рождения она «козерог-змея - змея-философ, много ума, но несколько абстрактного». По культуре она карелка, но похоже, судя по форме носа, что была в ней и более южная кровь.

Микко Уотинен - поэт и общественный деятель из Терийоки (Зеленогорск), финн, считавший себя карелом. Отрицательную тональность и неполноту материала о молодости героини в начале книги он старается уравновесить тремя своими хвалебными стихотворениями, из которых первое в стиле классического гекзаметра, а два другие в действительно близком к нему калевальском стиле, готовя читателя к восприятию фольклорных рун Параски.

Финские энциклопедии характеризует Параску как «гиганта памяти»; можно согласиться с этим, но вряд ли с тем, что она «финская рунопевица».

Для понимания обстановки надо оценить Карельский перешеек того времени как этноконтактную зону (даже «фронтир»), населенную финнами, карелами и русскими, пассионарность и эмоциональность которых, соответственно, убывают, в целом, с юга на север. Отсюда как «певучесть», восхищавшая финнов, так и авторитарность, отвергаемая ими как рабство. Отсюда же и проявления конфронтации - возможно, еще и этим обусловлено внимание финской стороны к левой, «протестной» поэзии на Российской стороне, хотя тогда в финском искусстве еще шла самоидентификация на основе Калевалы и вообще признанных исконными карельских мотивов (карелианизм). Впрочем к «прародине» относили и Пермь (Perä maа), что было поводом к...

Ну да ладно. По Русской равнине прокатывались волны завоевателей, а остатки прежних обитателей сохранялись в горных долинах Кавказа, Карпат и полуостровах Прибалтики, где противодействие экспансии извне - условие их сохранения.

Микко Уотинен называет Параску певицей, Олег Мишин (1986) лириком, финская энциклопедия - рунопевицей. Уточнить позволило бы изучение всех ее материалов, находящихся, естественно, у финнов. Однако перевод с диалекта 2-й половины XIX в. уже достаточно труден и со временем не становится легче.

Во всяком случае, книга Микко Уотинена - основной источник по биографии Ларин Параски, известной сказительницы с Карельского перешейка. Кроме того, эта книга наводит на многие поучительные размышления.

"Ilo siinä, missä nuoret,
vaka siinä, missä vanhat;
sitä varten tänne läksin,
virsiäni virkkamahan,
laulujani laskemahan;
leikkiä leventämahan;
tulini ihmisiin iloksi.
Tulin rahvahan ratoksi."
Parasken runot,
21

«Радость там, где молодые,
Верность там, где пожилые;
Потому здесь и учу я,
Чтобы вам служить стихами,
Свои песни размеряю,
Чтобы игры успокоить;
Я пришла на радость людям
И чтоб дать совет народу».
Руны Параски, 21

"Miks' ei soi soria ääni,
ääni ei kaunis kaljahtelee,
ääni ei herttainen heljä,
ääni ei kuuluisa kumaja".

«Почему не звучен голос? -
Голосу не плыть красиво,
голос и не побрякушка,
голос и не гул во славу».

Сегодня молодёжь Карелии открывает непритязательный памятник на могиле сказительницы Ларин Параски. Это намерение спасти от забвения могильный холмик, под которым покоится одно из певучих сердец Карелии. Этим скромным мероприятием возрождающаяся Карелия хочет благословить спящих под землю отцов и матерей финского духа.

Подобно скромному венку вереска, листва которого зеленеет благодарностью и любовью к песне, эта книжечка будет скромным подношением на её могилу, в благодарность её сердцу, от которого струился серебристый поток песен.

Автор

"Tuulet taivat
runovirret,
ahavaiset antelivat
meren tyrskyt
työntelivät
meren aaltoset
ajoivat."

«С неба рун потоки
веют -
ветры вешние их
дарят,
их морские бури
гонят,
их несут морские
волны».

Приносил мне песни
ветер
Ледяной порыв весенний
Их ко мне толкало море
Гнали их морские волны
Мишин, 1986, с.10

С.4, рис. Памятник, установленный на могиле Параски. Надпись на памятнике: исполнительница рун Ларин Параске, род. 1833, ум. 1904.

* * *

Kokooonnumme laulaja
kummullesi,
Kiitoksen seppeleen
laskemme tomullesi.

Sävelltäsi kiittäen sua
siunailemme,
Sun laulujes lemmestä
aaltoilemme.

Sun surujas, ilojas me
aatelemme,
Niistä nousee pyhäkukat
tunnelmiemme.

Me tunnemme syvän
soinnun sieluissamme,
Kevätaamu armastaa
unelmiamme.

Me tunnemme lämpöä
onnen povissamme,
Sävelkaihoa, sävelriemua
soi suonissamme.

Холмик могильный, певица, тебе собираем,
Прах твой венком благодарности мы увенчаем.

Люд за песни твои тебя благословляет
Нежность песен твоих глубоко нас волнует.

Горе твое, твоя радость всегда нам священы,
Наши чувства к тебе оттого и сейчас
расцветают.

В душах у нас глубоко отзывается песен
звучанье,
Вешнее утро как будто к тебе наши чувства
ласкает.

Радость и счастья тепло согревают сейчас души
наши,
Радость мелодий твоих уж играет сейчас в
жилах наших

Пенье твое, о певица, цветет и сейчас в душах
наших,
Песни, певица, твои отозвались уже в мыслях
наших.

Сев твой, певица будет цвести в думах и чаяньях
наших,

Laulaja, laulusi kukkivat
sieluissamme,
Laulaja, säveleesi sointuvat
aatteissamme.

Laulaja, kylvösi kukkii
taivehissamme,
Laulaja, virtesi veisovat
nuoruudessamme.

Sulle laulaja, kukka
nurmissamme,
Asuva unelmissamme,
muistossamme.

Sulle me tervehduksen
seppeleen tuomme,
Sun työllesi syvimmät
siunaukset suomme.

Nuku alla nurmen, sua
siunatessamme,
Olkohon lepo lempeä
laulajamme.

Saa rauhan autuutta nuorissa
nurmissamme,
Se pyhin toive on nyt kiitoksen
kanteloissamme.

Ei unhon usvat saa sijaa
sieluissamme,
Sävelien sunnuntai siellä soi
kauneintamme.

Ja se kaunein, mi
hedelmöittää henkeämme,
On pyrkimys: kunnioittaa
isiämme, äitejämme!

Стих твой, певица, поют уже в юности нашей.

Вот тут, певица, цветы - это дар от лужаек от
наших,
Вечно живи же ты в памяти нашей, и в душах
наших.

Венок привета тебе мы возлагаем,
Труд твой мы искренне благословляем.

Спи же спокойно, тебя мы благословляем,
Пусть будет сладок покой рунопевнице нашей.

Будь же блаженно тебе под травую зеленую
нашей,
В этой святейшей надежде тебе благодарность
тут наша

Мглы же забвенья не будет тебе в душах наших
Твои мелодии воскреснут у нас еще боле
прекрасны.

Лучшее это, что оплодотворит души наши,
Славься же память отцов, матерей родных
наших!

* * *

C.7

Orjankukkana kohosit
Itkevässä Inkerissä,
Murtavassa murheen
maassa,
Tuskan turjan tanterella.

Lapsen lauha leikkipäivä,

Дикой розою взошла ты
В Ингрии многострадальной,
В сломленной стране печальной,
Этой ниве истязанья.

Время детства золотое,
Сладкие минуты утра

Armahaisen aamuhetki
Oli sulla onnetonta,
Orjan päävää pilvekästä.

Kyynel kylmäsi emosi,
Suru surmasi isosi
Ankarana, armotonta;
Perunnöksi loi sinulle:

Vaivan varjot kulmillesi,
Silmähän syysyön suruja,
Pohjan tuulta povehesi,
Kevätpäiväsi tuhosi.

Tuli miehuus murtoellen
Puutteen auralla sielusi,
Nöyryytellen, näännytellen,
Elon routihin ruhjoen.

Tuli vanhuus valkohapsi,
Surut sielussa suventi,
Palellutti pakkasissa,
Tuiverrutti tuiskuloissa.

Elo ankera sinulle,
Kovin ruhjoi ruhjoittua,
Ei suonut orjalle onnea,
Lempeyttä lempeälle.

Kaikki vei elämän tuuli;
Yhtä et surulle suonut,
Kadottanut kalleinpaasi
Sydäntäs, sävelten kotia.

Sieltä kumpusi kevättä
Syksyssäsi synkeässä,
Sieltä sointui soinnukasta
Ristituulien tulessa.

Siinä rikkaus sinussa,
Kaatumaton, kuolematon,
Siinä helmi huoliesi,
Ilojesi ikikukka.

Ikinkukkina kohosit
Itkevässä Inkerissä,
Sävel sielussa sinulla
Kultakukka jumalien.

* * *

Murtuu muurit, vuoret
väistuu,
Hongan horjahtavan näät,
Mutt ei koskaan sorru

Были для тебя не в радость -
Дни раба всегда ненастны.

Мать была от слез холодной,
Грусть-тоска отца губила
Бессердечно и жестоко;
И оставили в наследство:

Тени бед в углах избушки,
Взгляду скорьбь осенней ночи,
В грудь ветр Севера холодный -
Твой весенний день сгубили.

Зрелость подошла, ломая
Плугом нужды твою душу
Мучая тебя, смиряя,
Душу в мерзлоту хороня.

Пришла старость беловласа,
Скорьбь в душе укоренилась
И застыла на морозе,
И на ветре разлетелась.

Жизнь была к тебе жестока,
Вовсе, угнетая, губит,
Счастья рабу не дарит,
Любит, но не приголубит.

Ветер жизни всё развеет
Раз не предана печали,
Самое святое губит -
Твое сердце, дом мелодий.

В осень мрачную твою
Сердце наполнилось весною
Там она звенела звучно
В круговерти у ветра.

В этом всё твое богатство
Было, вечно и бессмертно,
В нём твоей заботы жемчуг,
Радости твоей бессмертник.

Дикой розою возшла ты
В Ингрии многострадальной,
И в душе твоей мелодий
Золотой цветок божествен.

Стены ломит, горы сносит,
Сосны - видишь, как шатают,
Всё же никогда не гнется
Твой золотоколос духа.

täällä

Hengen kultatähkää.

Vuodet vierii, ajan aallot
Paljon painaa unholaan,
Mutta hengen kevätvalta
Aina kukkii nuoruuttaan.

Tulee murheet, tulee
tuskat,
Huoltensateet huutoo
maan,
Raunioituu elon templit,
Kansat kypsy
kuolemaan;

Mutta missä valvoo henki,
Nostaa kukkaa,
hedelmaa,
Siellä paistaa ikipäivyt,
Kaikki henkii elämää.

Kuki henki suomalainen
Teoin, lauluin, kantelein,
Kuki, nouse, kasva suurin
Sytyttävin säävelein!

Nouse henki
suomalainen,
Satu syviin sydämmin,
Meitä kutsui Paraskenkin
Laulat hetkiin puhtosiin,

Joissa Suomen aamut
aukee,
Kuninkaana kannel soi,
Kukkii suomalainen henki,
Suomen huomen
huminoi.

Годы проходят, волны времени
В Лету много унесут,
Но духа поросли весенние
В юности всегда цветут.

Горе будет, будут муки,
Дождь забот омоет землю,
Рушатся и жизни храмы,
Близятся народы к смерти;

Всё же там, где дух не дремлет,
Явятся цветы с плодами,
И там сияет день вовеки,
Всё в жизни одухотворяя.

Дух наш финский, расцветай же,
В деле, в песне, в кантеле
Крепни, достигай величья
В зажигательной игре.

Пусть же донесут нам сказки
Финский дух глубоко в сердце,
Нас зовут к тому ж Параски
Песен чистые моменты.

В них расцвет страны Суоми,
Знатно кантеле поёт,
Так цветет и дух наш финский -
Солнце Родины встаёт.

С.6+ Рис. А.Эдельфельт, Ларин Параска

"Monet yöt unetta jäivät,
Momet illat iltasetta,
Monet aamut murkinatta"

«Сколь ночей без сна осталось,
Сколько вечеров не в вечер,
Часто утро - натошак.»

С. 8+ рис без подписи (почти повторяет рис. на с. 18+), со стихами:

"Tässä on virsien vetäjä
tässä on laulujen latoja,
nyt mie virsii on vetelen
nyt mie laitan laululoini; -
niinhän mie viritän virtta,
niinkuin virviä vetelen,
niinhän mie puran puhetta,
kuin puran punakerätä;
sitä lähtee kuin läkistä,
lähtee kuin läkin sisästä,
sitä tulee kuin tupesta,
kuin lovesta laukeaapi".

«Вот он здесь, сам стихотворец,
вот он, песен сочинитель
вот как я стихи слагаю,
вот как песни сочиняю:
так вытягиваю стих я,
будто дратву, прут тяну я,
словно бы ручей мне речи,
будто краснотал ручейный;
выйдет будто из жестянки -
изнутри консервы выйдет,
то выходит как из избы
или выскочит в восторге.»

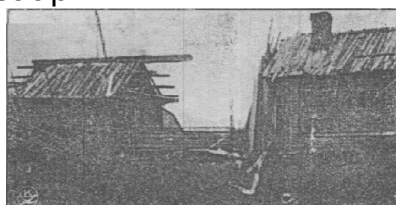

Рис. С. 10 Остаток дома Параски; изба сына Параски.

"Tunnen tuulen, tunnen tyynen «Знаю ветер, знаю тишь я,
 tunnen pohjoisen pimeän, Знаю северны потёмки,
 tunnen ärjäimen äkäisen, Знаю я и брани злобу,
 tunnen vaimon vastarinnan". Знаю бабское упрямство»

В дальнем прошлом финский народ жил среди прекрасной, восхитительной природы, Жил в период, когда царила сила духа, когда волны великих дум и дел бушевали в душах людей, когда здоровье и свобода природы отражались во взглядах народа. Финский народ переживал период, когда голубые волны мечты бушевали в душах людей, во впечатлительное весеннее время, когда в груди зеленели весенние всходы, и они созревали плодами духа. Это время было великим воскресением Финляндии, периодом её духовного расцвета. Это было время, когда финский дух был здоров и плодотворен. Тогда народ был как неиссякаемый источник, из которого било многоцветье разнообразнейших сил. Народ жил жизнью, которая была величайшей и прекраснейшей поэтической жизнью. В которой каждый труд был памятником красоте, когда каждая мысль была как вдохновляющий огненный лебедь. И всё было своё – свои семена, свои плоды. Тогда Финляндия жила финской жизнью, когда в финнах текла несмешанная финская кровь, когда в груди билось финское сердце. Тогда в Финляндии царил финский дух, тогда в больших финских избах собирались только финны, вокруг общего стола, и тогда чувствовалось биение единого сердца. Это был период *царства финского духа*.

"Ei ollut Vuoksen voittanutta, «Не рассечена Вуоксой,
 ylikäynyttä Imatran". Не преграждена Иматрой.»

История этой эпохи - это Калевала. Это животворная песня величия, красоты, любви, ненависти и силы финнов, чарующая и объединяющая. В ней цвели светлейшие радости и мрачнейшие горести финского сердца. Интересно глазами воображения глянуть на этот народ. Ибо перестали любить его деяния, радоваться его радостям и помнить его горести.

Мужчина Калевалы! Северные леса, можжевельники, ранние утра и зеленеющие горы. Дух естественности и здоровья горел в его груди, жизнерадостный труд его рук и красота жизни создавали новые неисчезающие мотивы его ясных мыслей. Он любовно сравнивает детей с цветами любви, луной, солнцем, он растит сыновей в любви к судьбе их отчизны, он свободен, как орел, он любит нежно, как жаворонок, благословляет кукованием кукушки.

Вот мужчина, финский мужчина, каким он видится сквозь ткань Калевалы.

Женщина Калевалы! Очарование летнего утра, ясность весеннего дня. Душевная чистота, застенчивость лесного цветка в душе, голубые дали озер во взгляде, ткань с золотыми нитями в доме, красота лесной глуши. Материнством светится ее душа, доблестью бьется ее сердце, днем севера светятся ее глаза. Впитав в сердце заботу о судьбе своей страны, она зажигает в будущих душах огни завтрашнего дня финнов. Она – самое

чуткое и нежное воплощение живущих в народе красоты и патриотизма, которое ободряет в трудностях и омолаживает в радостях.

Вот женщина, финская женщина, какой она видится сквозь ткань Калевалы.

Такое время пережила Финляндия. Такое время воспела Финляндия.

Под мотивы далекого прошлого спит это поколение, Замшелые холмы, заросшие вереском леса ласкают холмики их успокоения и берегут их знание жизни. Но как летнее солнце шлет свои лучи, как искра, летящая в осенней ночи, так их жизнь, их мотивы, их песенное богатство порождают любовь к песне.

Тут и там, в лесной глуши хранили отец и мать память древних, старших поколений золотыми искрами в своей груди. Напевали об этом своему засыпающему в колыбели ребенку. Рассказывали об этом при свете лучины. Пели о мудром Вяйнемёйнене, о любящей девушке Айно, думали о любящем Лямминкяйнене, рассказывали о знатном Куллерво. Ребенок слушал, увлекался, осколки того и другого западали ему в душу. Еще и потом мать и отец наставляли и учили его, Учили находить утешение в мотивах, в их солнечном богатстве.

Soitto on suruista tehty,
Murehista muovaeltu”.

Музыка - она ж из грусти,
Вытоплена из печалей.

Рис. С. 12+

Дом Параски в Васкела

”tulkaa virrein mun tupahan,
ikkunoist je reppänistä,
suremmat tuvan ovesta,
niin on mulla virtosia,
niinkuin seinä-hirtosia.”

Приходи потоком в избу,
Из окн и из запасов,
И из бльших дверей избы,
Так мои стихи - те вровень,
Как для стенки кладка бревен

Проходил день, проходил год. Помнило дитя материнские песни. Словно из ночи они выплывали. Добавлялись к ним еще и своя радость, своя грусть. Отзывалась в них и прежняя жизнь отцов и матерей. И это, конечно, сказывалось, это учило уважать и любить прежнюю жизнь. Согревало, приближало ее.

Одно такое певучее сердце, в мотивах которого, наверное, более чем где бы то ни было, отзывалась прежняя жизнь, было у ЛАРИН ПАРАСКИ,

искусной рунопевицы. Она последней доставила нам явное приветствие от народа Калевалы. Это была связь, которая отчетливее всего объединяет нас с прошлым. Прервалась-таки и она. Остались воспоминания, сохранились песни. И это не пропадет – мы проследим этапы ее жизни.

* * *

В безрадостных условиях Ингрии, тернистыми рабскими путями шла жизнь родителей Ларин Параски. Отец ее был Микита Микитанпойка (т.е. Микитович – А.М.) Родился он в 1802 г., умер в 1851 г. Он 13 лет был в Петербурге учеником кузнеца, а потом, на склоне лет, жил в волости Лембола, дер. Мискунмяки. Он был крепостной помещика Ивана Кузова, крестьянин-арендатор (?!-А.М.), но выполнял еще и кузнечные работы. Его жена, мать Параски, Татьяна Васильевна, была родом из Васкела (3 км. ЗЮЗ Метяпиртти, сейчас Запорожское – А.М.) из дома, называвшегося Миккола. Остатки этого дома еще можно видеть (ок. 1910 г.- А.М.) Родилась она около 1800 г. – точно сказать нельзя, т.к. церковные книги сгорели, поэтому годы рождения старых жителей Васкела трудно установить. Она умерла в декабре 1848 г. Отец Татьяны, «Микколан укко» (т.е. дед из Миккола – А.М.) был известен как знахарь. Известны и сложенные о нем руны. Еще и сейчас о нем напевают:

"Mikonukko, pitkäparta,
pitkäparta, pitkähuuli,
teki suoiloista solunan".

Старик Микко бородатый,
Бородатый и губатый,
Делал петлю из кишок.

О матери Татьяны известно, что это была Оуте Комонен из дер. Ряхяранта. Как Татьяна, так и ее муж Микита, относились к православным инкерикко. Ярмо крепостных испытали родители как Татьяны, так и Микиты. Говорят, что еще мать Татьяны, будучи крепостной, испытала тяжесть рабства. Так, рассказывают, что она, будучи крепостной у одного «господина» в Петербурге, зимой она босиком ходила за водой из Невы. Ее брат, случайно оказавшись в Петербурге, увидел несчастное положение своей сестры, посадил ее в мешок из-под муки и так доставил домой.

Жизнь в этих местах была очень тяжелой. Крепостные были на положении принадлежащего дому скота. Их нагружали тяжелой работой, три дня в неделю им приходилось отрабатывать барщину. Они полностью зависели от произвола господ, их секли и другим образом мучали.

У Микиты было 4 ребенка – 2 дочери и 2 сына. Один из сыновей, старший, стал кучером, другой жил дома и отрабатывал барщину. Однажды он оказался высечен, и это свело его в могилу (По Мишину, 1986 г., он помогал отцу в кузнице, после смерти отца помещик забрал кузницу, сын выступил против, за что был высечен, через несколько месяцев после чего и умер – А.М.) Из дочерей Параска была младшей. Она родилась 27.12.1833 г.

Ребенком Параска была веселая по характеру. Свою печаль она развеивала в песнях. Уже тогда они стали накапливаться в ее памяти. Разнообразие в её жизнь вносило то время, когда она ходила «на финскую сторону», в Васкела, к родным своей матери. Это, наверное, и помешало ее чуткой душе окончательно омрачиться безысходностью. Это время скрашивало её молодость, и она смогла облекать свое детство в радостные мотивы:

"Kun olin isonkotona,
mie käin ulkona usein,
uutta kuuta
katsomassa,
ilmoa ihailemassa,
otavaista oppimassa
taivas tantsi, kuu
iloitsi,
tähet löivät leikaria,
mie kun istuin – maa
iloitsi,
mie kun seisoin –
seinä paisto,
mie kun käin –
kämärät läikkuit,
mie kun tanssin –
taivas läikky".

Вот была у старших в доме,
так я выходила часто
посмотреть на новый месяц
и погодой любоваться,
поглядеть созвездья в небе
-небо пляшет, месяц а
радость,
звездочки как скоморохи;
я как сяду - земле в
радость,
я как встану - стенка
греет,
я пройду - ладони плещут,
как спляшу - так небо
плещет.

Я в дому родном жила
Я на двор ходила часто
Посмотреть на новый
месяц
Небесами любоваться

Я сижу - земля ликует
Я стою - сияют стены

Я танцую - небо
плещет
По Мишину, 1986, с.55

Но, хоть мотив был и весёлый, не мог он развеять грусти. Печальные тени таились в углах, слеза печали появлялась в уголках глаз, и отзвуком этого звучали слова:

"Illat itkin ikkunoissa,
aamut aijan
seipähissä,
kuukauet kujan luhilla,
puolet päivät
porstuvissa".

Плачу вечером у
окон,
по утрам я у ограды,
месяцами в
переулке,
и по полу-дню в
сенях я.

К ночи плачу у оконца,
утром около амбара,
в полдень погреб полон
скорби,
ввечеру тужу в кладовке.
Кантелетар, 1983, с.197

Печаль – мрачная, унижающая и надламывающая была даром детства Параске. Когда в тихие дни старости она погружалась в размышления, то вспоминала эти дни своей молодости, и глубокой грустью звучали слова:

"Mie kun mietin mielelleni,
ajattelen aivoilleni,
ennistä elämättäni;
viereet vie'et silmihini
kaikkeimmat karpaloja,
tippuut tilkat silmistäni,
helkkeämmät hernehiä,
raksummat ravun jyvää".

Коль прочувствую душою
И размыслю я мозгами,
о своей прошедшей жизни,
то глаза как будто сами,
наполняются слезами,
слезы из моих глаз каплют,
как горошины сухие,
как бобы, с тяжелым стуком.

Хоть жизнь Параски под кровом отца и матери уже была достаточно грустной и надламывающей молодую душу, Параска всегда оказывалась в еще более трудных условиях. Ее мать умерла в 1848 г. Отец умер в 1851 г. Теперь исчезла даже та небольшая опора, которая была у нее. Она осталась одна нести бремя крепостной. Суровая судьба ей досталась. Говорят, тогда ей пришлось испытать и казацкую плетку.

Это было время, когда у Параски рождались первые мотивы, В перерывах между работой и по окончании ее, печали, заботы и надежды изливались мелодиями. Тогда она и ее крепостные подруги пели свои

причитания, тужили о своем рождении и надеялись, что настанут лучшие дни. Но более ясным день Параски на становился.

В свои девичьи годы, как уже упоминалось, Параска часто бывала в доме родных своей матери в Васкела, в доме «деда Йорола», ее дяди по матери. Тут ее веселый нрав и сердечность привлекали внимание парней. Однако более старший начал пробуждать ее взаимность, и вот крестьянин Гаврил Степанов решил отправиться в Мискунмяки сватать ее. Крепостным усадьбы нельзя было вступать в брак по собственному усмотрению. Помещик был вправе оценивать сватающихся женихов и разрешать, если казались пригодными или, в противном случае, отклонять сватовство. Помещик принял сватовство Гаврила Степанова, следствием чего была свадьба, сыгранная 16.7.1853 г.

Теперь начался новый период в жизни Параски. Ей удастся поселиться в Финляндии и стать финской подданной. Певучее сердце избавляется от того, чтобы кануть в безрадостных условиях крепостничества.

Свадьбы была традиционной песенной свадьбой, какие проводило православное население Васкела. Она во многом отличалась от финских свадеб. Когда «сорка – знак замужней женщины был водружен на голову невесты, перед лицом ее растянуто полотенце и волосы связаны в узел, собравшиеся на свадьбе пели:

”Synnytä ilosykerö,
ilolakki päähän laita,
jos iset lakin suuruisen
mato syököön sun näppisi,
toukka sormet tonkikohon.
Sie ise iloinen lakki,
Sie ise ikuinen lakki,
Ilolakki päähän laita”.

Так роди же, счастья шиш,
на главе сороку счастья -
коль с отцовский козырь будет,
пусть червяк те съест застежки,
гусеница пальцы сгложет.
Тебе счастье козырек-то,
тебе нвечно козырь-то,
на главе сорока - счастье.

Рис.

с.10+ Параска (отмечена крестиком – А.М.) среди родни.

<p>"Mie laulan tähän talohon, tähän täyteen talohon isännälle uuen turkin, emännälle kaattuvasen, pojalle mieli miniän, tyttärelle mielisulhon; Mie laulan tähän talohon, tähän täyteen talohon tammen keskitalhualle, tammellen tasaiset oksat, oksat olta vuotamahan, viinaa on vilajamahan, joka oksalle omenan, omenalle</p>	<p>Напою я в этот дом, в этот полный-полный дом хозяину шубу нву, а хозяйюшке накидку сыну хорош невесту, дочке жениха хорша. Напою я в этот дом, в этот полный-полный дом дуб во двор, на середину ветки ровные на дуб тот - ветки так, чтобы не лило; вина так, чтобы бывало, яблоко на каждую ветку яблоку золтый обод а на обод тот - кукушку.</p>	<p>Напою я в этот дом Напою я в дом богатый Для хозяина тулуп, Для хозяйюшки невестку, Мишин,1968 с.71</p> <p>Напою я в этот дом Напою я в дом богатый Дуб во двор на середину Ветки ровные на дуб, Мишин, с.71</p> <p>Дуб широкий на подворье - Крона с гладкими ветвями... Кантелетар, 1983, с. 26.</p> <p>Жолудь на любую ветку, Золотой клубок на жолудь, На любой клубок кукушку. Мишин,с.71.</p> <p>... и по яблоку на ветку, а на яблоке злат-обруч, а на обруче - кукушка. Кантелетар, 1983, с. 26.</p>
--	--	---

kultapyörän,
kultapyörälle
käkäsen”.

На этой свадьбе, как рассказывает Йеролан Оуте, собравшиеся пели песню, из которой она помнила лишь следующие строки:

”Ylämaan akat sanoo lasta liekutellessa: laha mie tuuvin tyttöjäin Suomen puolen poikasille, Suomen valta on vasiten, Myö ollaa orjuudessa, Käyvää toisen käskyläisnä”.	«На верховьях бабы молвят коль детей своих качают: подари-ка наших девок финской стороны ребятам - финска власть-то не позволит вместе в крепости быть, в рабстве, по чужим ходить приказам».	Так вот баба встарь певала, на крутом угоре сидя, так, дитя, качая, пела, убаюкивая детку... Кантелетар, 1983, с.216 Под чужим ходить приказом Кантелетар, 1983, с..46, 313
---	--	--

Теперь Ларин Параска попала в новые условия, на новые места. Имеет смысл глянуть на эти новые места, куда теперь переселилась Ларин Параска (см. карта Fr. Poln & Co. Helsingfors, 1864-. Sektionen 5 - А.М.)

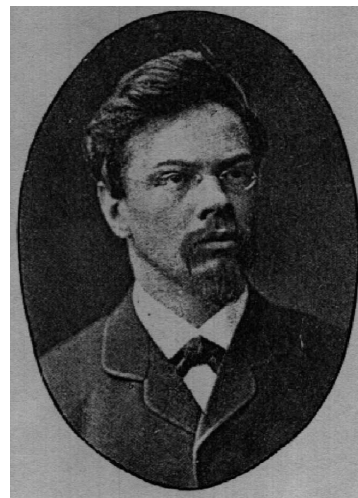
Деревня Васкела, или, как сейчас говорят, Аркунтанхуа – православная деревня. Прежде она относилась к волости Саккола, но потом, когда образовалась волость Метспиртти. Как православная, она прежде относилась к православному приходу Матокса. В 1865 г. была построена православная церковь в Палькеала, при ней образовался православный приход, к которому относились, как говорят, все православные деревни волостей Рауту, Саккола и Метспиртти. Вошла сюда, говорят, и деревня Васкела. Численность относившихся сюда православных была около 1 300. Деревня Васкела расположена на горе, склоны которой полого спускаются во все стороны. Средняя часть деревни – необычайно каменистые земли, на полях тут и там видны большие каменные глыбы, а у многих строений, таких, как коровники – высокие каменные фундаменты, тут и там – каменные ограды, т.к. склоны, будучи освобождены от камней, очень плодородны. С одной стороны деревни видно оз.Суванто, которое в свое время покрывало эти склоны, так что это бывшее дно озера, очень плодородные земли. В Суванто берег образует прекрасные плодородные мысы, подальше виднеется песок Патониemi, который летом выглядит очень привлекательно. С другой стороны деревню окружают плодородные местности, где колосятся рожь и овес или стоят многочисленные сараи для сена, что свидетельствует об интенсивном выращивании сена. Позади этих плодородных полей виднеются местности с мелколесьем, посреди которой тут и там стоят дома земледельцев. С самых высоких частей деревни можно видеть части деревень Коуккуниemi, Рииска, Раайу, Палькеала, Лапанайнен, Косела и Хотанмяки. Негромкий шум находящегося на р.Тайпале порорга Васкела слышен в деревне. Своеобразную печать запустения придает деревне то обстоятельство, что в деревне вокруг домов

совершенно нет деревьев. Своеобразна и планировка деревни. Дома построены как можно ближе друг к другу. Во многих местах стены домов так примыкают друг к другу, что посторонний вряд ли скажет, какие строения к какому дому относятся. Из-за этого стиля застройки были немалые беды, когда 20 лет назад в деревне свирепствовала холера.

История заселения деревни гласит, что после одной войны в эти места пришли двое братьев. Они поселились на берегу Суванто у большого вяза (?!-А.М.) Тут испокон веков был большой камень, который теперь увезен для каменного моста. Вяз же показывают и в наши времена. Тут и жили братья, ловя рыбу и охотясь. У одного брата было 4 сына, по имени которых и звались дома деревни – Йерола, Рипаккала, Иккала и Рахкола. У другого брата было 5 сыновей, и по их именам возникли дома Миккола, Ларила, Анттила, Лаурила и Питкяля.

Находящееся в альбоме писателя изображение Параски.

Доктор Адольф Неовиус.

Рис. с. 18+

По этим именам и звались сельские жители, вплоть до последнего времени. Можно заметить, что семьи здесь очень большие, в одной семье может быть до 20-30 человек. Несмотря на то, что семьи очень большие, в деревне царит согласие. Не помнят случая, чтобы жители Васкела судились между собою, а если в деревне и случаются неприятности, то их стараются не выносить из деревни. Теперь в деревне около 25 домов. Когда Параска переехала в Васкела, деревня была еще очень бедная, небольшая и тихая. Жили рыболовством, извозом и земледелием. Сеяли рожь, овес, бобы и картофель. Здесь усложняли жизнь условия донатационных (дарованных) земель. Эти земли принадлежали усадьбе Петярви. Жизнь зависела от господ и "мызников" (управляющих из числа крестьян – А.М.) усадьбы. Правда, работы здесь были не самые тяжелые, да и "мызники" доброжелательнее, чем в других местах, так что, хоть деревня и была беднее обычного, жизнь была довольно сносной. С другой стороны, положение было даже более щекотливым, т.к. к жителям Васкела бежали, главным образом, из Ингрии, крепостные, которые знали, что в Васкела

лучше, чем у них самих. Многие получали покровительство и оставались жить в деревне.

Муж Параски Гаврил Степанов владел в Васкела участком земли, величина участка была 1/6 мандала. Параска оказалась, конечно, в несколько более свободных, чем в Ингрии, но всё же бедных условиях. Жизнь сурово взглянула на Параску, когда она перешла в новые условия. Теперь она была свободна по крайней мере от внешнего рабства, т.к. сами повседневные заботы порабощали. У нее был свой дом, который звали Ларина изба ("Ларин тупа") и 2-3 сарая. Изба была маленикая и старая. Теперь на этом месте сын Параски выстроил свою избу. Один из сараев еще остался. Гаврил, муж Параски был 40-летним, когда взял Параску. Параска же была лишь 20-летней. Именно об этой разнице в возрасте могла думать Параска, когда пела:

"Muut sukkiit on sulhojansa,
Mie vaan vaalin vanhojaini,
Mie vaan raijoilla parennan,
Kuotioill on kaunistelen."

«Други жениха ревнуют,
я же старика избрала,
я ж его намного лучше,
и красуюся я чаще.

Гаврила был еще и болезненный, так что на плечи Параске легло бремя труда более обычного. Но быстро и легко переходила Параска от одной работы к другой. Она вела сельские работы дома, ходила и на дальние работы. Бремя труда добавлялось, по мере того, как муж старел и слабел. В конце концов это стал болезненный дед-домосед, и вся работа легла на Параску. А в семье уже было прибавление. 22.6.1854 г. у нее родилась девочка Татьяна, которая умерла 3-х месяцев от роду. В 1856 г. у нее родился мальчик Василий, который умер в том же году. В 1858 г. родилась дочь Надежда, которая еще (1910 г.-А.М.) живет незамужней в Васкела. 5.9.1861 г. родилась дочь Татьяна, которая в 1884 г. вышла замуж за торпаря (возделывающего торп - участок, со временем переходящий в его собственность - А.М.) Туомаса Литманена родом из деревни Лапанайнен. Дочь многое помнит о своей покойной матери. В ее глазах то же ясное, живое выражение, что и у матери. В браке у нее 7 детей. В 1864 г. у Параски родился сын Василий. В 1889 г. он женился на Татьяне Александери родом из Палкеала. От брака у них 3 ребенка. Теперь (1910 г.- А.М.) он живет в Васкела рабочим. Он построил себе на месте бывшей «Лариной избы» избушку «мёкки», где и живет. В 1874 г. родилась девочка по имени Насто, которая умерла в возрасте 1 года. В 1877 г. родился сын Теппана (т.е. Степан - А.М.), который сразу же умер. В 1878 г. родилась дочь, которая умерла некрещеной. Параска, которая от природы очень любила детей, получала от своих детей утешение в своей тяжелой жизни. К тому времени она не умела читать. Разговаривали они прежде всего о религиозных делах, ибо она сама была очень религиозна. Свою религиозность она передала и своим детям. Хотя из-за большого количества детей жизнь была трудной, тем больше была доставляемая ими

радость, и в своих долгих отлучках она всё время думала о них и скучала по ним. Она очень неохотно отправлялась в путь, т.к. при этом надо было расставаться с детьми.

До сих пор мы говорили только о переменах в ее жизни и условиях, в которых она жила. Так мы хотели дать фон возникновения, который следует иметь в виду, говоря о деле её жизни. С колыбели крепостной начинается её жизнь и продолжается в постоянной бедности и мелких хлопотах. Остаётся неизвестным легкое, свободное и беззаботное время молодости. Всегда на нее направлен суровый взгляд жизни, всегда навстречу ей бурный поток, или, как она сама говорила:

<p>”kuin muille ilo tulloopi, niin miulle suru tulloopi. Kuin muille pyhä tulloopi, Miunll on aina arkipäivät. Muut muuttaa pyhäiset päijät, Muut kuin vaihtaat valkiaine, Mie vaan muutan mustiaine. Ei oo miulla milloinkooa, Kulloinkoa ei kurjasella, Ei oo housun huuhtojanne, Pyhäpaijan pyytäjäänne, Valkian varustajaista, Arkikaijan antajaa”.</p>	<p>«Как другим приходит радость, так ко мне приходит горе. Коль другим бывает праздник, Для меня ж всё время будни. Друг праздники сменяют Лишь наряд переоденут, Я ж меняю только робу; Нет мне никогда другого; Ничего нет у несчастной, Как и нет портков у прачки, Нет праздника у нищих, Нет наряда у портного - Только будни мне даются.»</p>
---	---

Богатой лишь печалью, бедною весной, сиротскою судьбою была жизнь Параски. И этим она не отличается от тех бесчисленных историй жизни, которые в финской глуши заканчиваются кладбищем. Но в Параске среди горестей и повседневных забот горел яркий костер мелодий в котором на вечную нам радость искрятся несчетные количества мотивов. Скорбь расцветала у нее обилием мотивов и множилась низкими тонами, радость волнами мотивов волновалось в ней и парила легкими мелодиями. В это духовно великое для финского духа время, в дни расцвета финского духа это сливается у Параски в единую гармонию мотивов, святую, изначальную. Она была посредником от тех, через кого до нас поэзия и обычаи прежних поколений. Искусной рунопевницей

(сказительницей?-А.М.), с колоссальной памятью, глубоко любившей песни и мелодии была Параска.

Эро Ярнефельт. Улыбающаяся Параска.

Рис. с. 22+
s.22+ = s. 14-15

"Kun olin isonkotona,
mie käin ulkona usein,
uutta kuuta
katsomassa,
ilmoa ihailemassa,
otavaista oppimassa
taivas tantsi, kuu
iloitsi,
tähet löivät leikaria,
mie kun istuin – maa
iloitsi,
mie kun seisoin –
seinä paisto,
mie kun käin –
kämärät läikkuit,
mie kun tanssin –
taivas läikky".

«Вот была у старших в
доме,
то я выходила часто
посмотреть на новый месяц
и погодой любоваться
поглядеть созвездья в небе
-
небо пляшет, месяц в
радость,
звездочки как скоморохи;
я как сяду - земле в
радость,
я как встану - стенка
греет,
я пройду - ладони плещут,
я спляшу - так небо
плещет».

Я в дому родном жила
Я на двор ходила часто
Посмотреть на новый
месяц
Небесами любоваться

Я сижу - земля ликует
Я стою - сияют стены

Я танцую - небо
плещет

По Мишину сс.55

Откуда у Параски ее песенный дар? Она говорила, что сама научилась. Ребенком, говорит, больше могла. Потом у нее была сильная болезнь головы, и после того память ослабла. Откуда искра пения и мелодий могла попасть в сердце Параске? В ее роду не было певцов. Песенный дар Параски был как оазис в пустыне. Правда, в Лемболово во времена ее детства было много явных певцов. Упомянем лишь некоторых из них: Тимон Тарья, родственница Параски, Кондролан Маура, Серкейн Олева, Левон Анни, Олексейн Мари и, помнившая особенно много хороших рун Серкейн Анни. (Нетрудно видеть, имена созвучны православным; имя состояло из личного и родового или местного в родительном падеже- А.М.) Во время пребывания Параски в Лембола там много пели и ценили умение петь. Наверное, от них она кое-что и слышала. Однако она нуждалась в ком-то, кто заронил бы искру в душу, дал почин, пробудил бы в душе ее волну песен. Было ли это время крепостничества, которое она испытала в детстве или глубокая скорбь, всегда вызывавшая её леденящую улыбку? Было ли это чувство одиночества, которое большой. Мощной силой овладевает нами в часы затишья и делает нашу душу чувствительной к мелодиям? Как знать... Сама она так говорит об этом:

"Omat on virret Свой же стих я и учила,

oppimani,	свое собственное слово;
omat saamain on	мысли ото лба брала я,
sanani,	а совет брала из носа,
otintuumat otsastani,	изо рта - слова приятны.
nenästäni neuvot	
keksin,	
suustain on sanat	
suloiset”.	

Уже в Лемболово Параска пела. Но основным местом её пения стало для нее Васкела. Может быть, своеобразная природа Васкела сама по себе стала будить в ней усвоенные в молодости потоки мотивов. Когда она глядела на блестящие волны Суванто, слышала шум потока Васкела, может быть, у нее появлялись стихи, о которых она потом могла сказать:

”niinhän mull’ on	У меня стихи ведь ровны
virtosia	как стенные эти брёвна;
niinkuin seinähirtosia;	только песни петь начну я -
mie kun säännyn	с утра до ночи пою я,
laulamahan,	хоть бы сутки напролет.
laulan päivän päästä	
päähän,	
laulan sutkin	
suorastansa”.	

Вначале Параска пела, не привлекая особого внимания. Пела она и раньше. Но случай привел ее к человеку, который сделал большое дело для нашей народной поэзии тем, что спас руны Параски для мира и потомков. Этим человеком был пастор Неовиус, который был тогда экстраординарным священником в Саккола. Ему стало известно о познаниях Параски, и он энергично взялся за их запись, не жалея сил и, невзирая на осуждение окружающих, он увлёкся этими «мирскими псалмами». Поскольку народ тогда был непросвещённый, пастору Неовиусу непросто было заниматься этим. «Пылко верующие», т.е. консерваторы осуждали его.

Чтобы показать, как на это глядели, приведу отрывок из письма, которое послал один крестьянин волости Саккола пастору Неовиусу, когда он переехал в Порво.

«...У нас не было иного мнения, как то, что это мирские псалмы - те, что Вы собираете от детей мира сего. Я Вас не понимаю. Но я думал и изучал Святую библию, слово Божие. Разве Иисус Христос, который велел учить от себя, собирал такое мирское? Думал я и о задаче пастора, достаточной здесь, в Саккола. Что Иоанн Креститель перстом своим указал: «Гляди на Агнца Божия, который забрал...» и пр. (Иоан.1.,29 -А.М.)? Что Павел сказал: «Не хочу знать ничего иного, как на Кресте Распятого, через которого мир во мне распят, а я - в мире?»» (ср .1 Кор.2.2 -А.М.)

Вот так думали. Но пастор Неовиус делал свое дело... Как довелось ему заметить поэтическую одаренность Параски? Сам он рассказывает об этом следующим образом.

«Как мне довелось заметить поэтическую одаренность Параски? Был летний вечер 1887 г, насколько помню, когда Параска привела одну слепую женщину, Беату, из Пекковских, из с.Сааройнен («Пеата Пеккистя

Саарисиста») в пасторскую канцелярию Саккола, когда Беате потребовалось метрическое свидетельство. По-моему, было очень трогательно, что Параска помогала слепой женщине в этом дальнем пути. Я поблагодарил ее за готовность помочь, а Параска ответила несколькими пословицами. По ее речам и внешнему виду я решил, что это непростая деревенская бабка и спросил, не знает ли она руны. Она ответила отрывком из руны:

"Mie kun lauluille lassein,	Коль возьмуся я за песни,
Virren työlle työnteleini,	За стихи свои примуся,
Laulan mie yhdeksän yötä,	Ночей девять буду петь их,
Päivän laulan päästä	Днем пою с утра по вечер.

päähän".

или что-то в этом роде. Тогда она пела пару суток, почти день и ночь, Потом она часто приходила на Патамяки, где я тогда жил, и постепенно я получил Калевалу, Кантелетар, «лойтсу-руны»(заговоры-А.М.), пословицы и загадки в вариантах Параски таким образом, что я читал то тех пор, пока не попадалась какая-нибудь знакомая Параске строка, и тогда она говорила, когда она это слышала и в связи с чем. Когда она впервые произносила стих, я почти всегда отмечал, каким образом она произносила его. Она пела охотно и осознавала большую ценность этих старых рун. Она помнила и явно чуждые слова, которые были в ее рунах.

Элин Нордлунд: Параска
Неовиусу

Берндт Лагерстам: Параска поёт пастору

Рис.с.24+_1,2

Пастору Неовиусу она спела и продиктовала, в общем, 1152 стиха, 1750 пословиц и 336 загадок, так что общее количество строк составило 32 670 (:30=1089 страниц; :200(250) = 4(5) пачек бумаги - А.М.) До того Параска пела кое-что для Лахтенкорва. Конечно, у них было в какой-то мере и повторение стихов. Руны Параски имели большую ценность. Она помнила основные сюжеты нашей народной поэзии. Кроме того, Параска была исключительной толковательницей своих рун и песен. Поэтому приведу лишь некоторые из оценок её поэзии. В 1893 г. пастор Неовиус опубликовал в печати первый сборник рун Параски. Расскажем подробнее об откликах на эту публикацию. В качестве предисловия к этой публикации Карле Кроон и д-р А.В.Форсман опубликовали следующее: «Блестящее свидетельство той поэтической одаренности, которая еще есть у финского народа, представляют собой руны Параски. Певица, пожилая женщина – талантливейшая представительница северо-ингерманландской традиции,

которой придерживаются в волостях Юго-Восточной Карелии. Она знает известное по обе стороны Райайоки (*Сестры-реки-А.М.*) Таким образом, есть полное основание издать спетые ею руны отдельным сборником.

Руны Параски представляют собой не просто вариант Калевалы, но самостоятельное поэтическое произведение. Много новых и прежде неизвестных мест найдет читатель в этом сборнике. Ход поэтической мысли и гармоничность стихотворного размера показывают, насколько естественны понятия и тонко языковое чутьё певицы.»

Обозреватель под псевдонимом «М.В.» в 1893 г. пишет следующее. «Эти руны дают точную картину поэтической традиции Северной Ингрии, которой придерживаются в некоторых местах Юго-Восточной Карелии, хотя эта поэтическая область Ингрии по обилию и разнообразию рун превосходит все другие области нахождения рун, а здесь вплоть до последнего времени были только неполные сборники, так что руны Параски являются очень важным вкладом в изучение народной поэзии, особенно для исследователей рун Калевалы. И для лингвистов есть в ней интересные места. Ведь многие стихи как по форме, так и по поэтической выразительности образов и мысли являются ценными поэтическими произведениями.»

Здесь трудно рассуждать о содержании рун Параски, т.к. место слишком ограничено. Сказу об этом в других изданиях. Это могли быть лирические и эпические руны, причитания, заклинания, пословицы и загадки. Каждый, кто знаком с финской народной поэзией, знает содержание этих рун. К сожалению, поэзию Параски нельзя полностью опубликовать. В 1983 г. пастор Неовиус пробовал представить эти руны к публикации в издательство Вернер Сёдерстрём. Вышел первый выпуск на 96 страницах, неплохо отредактированный. Тонкую обложку красиво и выразительно оформил Эро Ярнефельт. Планировалось выпустить произведения в 15 сборниках. Но общество не поддержало эту публикацию достаточным количеством заказов, так что от публикации других выпусков пришлось отказаться. Задачей ближайшего будущего будет публикация этих рун.

Но руны Параски становились известными в других изданиях. Укажем некоторые из них:

- Альбом Писатель с восточной границы в немецком издании К.Рхамми «Глобус» № 8, 1893 г. (Globus N 8,1893//K.Rhammi -A.M.) ;
- В английском издании Дж. Аберкромби и А.Клайв-Бойле «Академия» №№ 7 и 14, 1893 г. ('The Academy' No 7 & 14, 1893//J.Abercromby & A.Clive-Boyley-A.M.);
- В издаваемых в Праге Йосефом Холчеком «Народных листах», 1894 ('Narodny Listy', 1894.-Praga//Jos.Holcsek-A.M.);
- Кроме того, известен подробный очерк о Параске писательницы мисс Анни Клайв-Бойле в ее работе «Стромбергланд» (Clive Boyley, Anni. 'The Strombergland'-A.M.).

Потом руны Параски оказались в распоряжении Финского Литературного общества. 9.5.1894 г. в Обществе состоялось собрание, и § 4 протокола этого собрания гласит: «Заявление д-ра Кроона, прилагаемое к данному подразделу относительно материалов народной поэзии, к которому

Общество присоединяется, а также прилагаемой письменное предложение, вследствие которого Общество решает выкупить за сумму 1500 мк. представляемое паст. Ад.Неовиусом и находящееся у него собрание рун, пословиц и загадок Ларин Параски.»

Предложение д-ра Кроона в целом гласило:

«Нижеподписавшийся осмеливается предложить Обществу выкупить у Ад.Неовиуса собрание рун а также пословиц и загадок известной рунопевицы Ларин Параски за тысячу пятьсот /1500/ марок. В этом собрании 1053 руны, которые учтены как по диктовке, так и по пению, и старых, дополненных и отредактированных 210 плюс отдельные строки в числе 200 примечаний по мифологии. Загадок и пословиц всего около 3000. Кроме упомянутого выкупа, который едва ли возмещает непосредственные расходы пастора Неовиуса, у него должно быть право самому готовить к печати записанные им руны, как это требуется при публикации варианта Калевалы, а также потребуется плата за редактирование, каковая платится другим редактором при подобной работе».

Параска пела пастору Неовиусу в её родных местах. Он часто ходил к Параске, помогал ей и записывал на память произнесенное Параской. Потом, в 1890 г. пастор Неовиус переехал в Порво. Поэтому Параска стала выезжать из своих родных мест и становиться всё более известной.

Портрет Параски в календаре
Татьяна
Общества народного просве-
ния за 1905 г.

Надежда

Дочери Параски

Рис. с с.28, 28+

Для нас, возможно, имело бы опять глянуть на этапы жизни Параски. Её муж Гаврил, как мы уже заметили, был слабого здоровья. Постепенно он стал болезненным, сморкающимся в углу стариком. Параска старалась, как могла, прокормить его. Она уходила на работы, ближние и дальние. Она пешком ходила в Петербург. Она сама рассказывала об этом: «Я брала в Петербурге из приюта приемных детей, чтобы выхаживать их – таких у меня было около 50 – и получала за каждого ребенка несколько рублей. В Петербурге и на обратном пути я не жалела съесть только сухую горбушку хлеба, которые получала бесплатно.» Она выполняла также тяжелую работу, такую, как «воротила» - тяга

ялов и сойм вверх по р.Тайпале, Потом наступила смерть Гаврилы. Параска очень переживала смерть своего мужа. Она пела ему плач (опубликован в альбоме «С восточной границы», вышел в 1894 г. /1893? – см.выше – А.М./) В этом плаче она причитает:

<p>"Hyvää huomentais' mun kyllin- yntäjäisein! Joko sie nyt makaelet niitä' huoletomia huomentoisia? Miks* sie jätelit mun huoleksentelemaan niitä huolellisia huomennoisia tänne / / vaikiaiseen valtakintaseen? Mikses sie heitelit, - mun kyllin kyntäjäisein – Mikses sie jätelit vaivaisen, vajmo- kuluises niihin viki-vierahaisiin turvan- varaisiin kyllin- kyntäjäisiin-? Mikses sie jätelit niille iku-ikäväisile niille iku-ikäväisillen tuki- turvattomaks', an iarmottomaks*? Kehes mie nyt turvaelen – vaimo kuluinen -! iltasilla iki-myöhäisiin, aamusilla ani-varahaisin? Kovakorvaset, kylmä-kylkiset on ne viki-vierahaiset k yllin-kyntäjäiset".</p>	<p>«Утро доброе, ты, пахарь мой! Что ж смакуешь беззаботные дни завтрашние? Что ж оставил ты меня заботиться в эти хлопотные дни завтрашние, /ушедши/ в мир молчания? Почему ж бросаешь ты меня пахарем - Что ж бросаешь ты, заботную жену- послушницу этих плакунов-гостей опорю-надежду, опорю-надеждой полно-пахотной? Что ж оставляешь ты на эти веки-вечные эти веки-вечные без опоры-надежды, безжалостно? На кого же обопруся я теперь - жена изможденная - ! Вечерами поздними,утраами сверж ранними? Тугоухие, холоднобокие те плакуны- гости\чужие\ полно-пахотные.»</p>
---	---

И сама Параска всё старела и слабела. Дом ветшал, так что жизнь казалась всё более мрачной. У нее была единственная опора и надежда, к которой она и обращалась. Это был пастор Неовиус. По мере возможности он старался помогать ей. Но не мог он устроить жизнь Параски на твердой основе. На уход за немощными («дом престарелых»-А.М.) Параска не хотела полагаться, да и вряд ли исполнительнице столь «мирских псалмов» была бы с этой стороны оказана помощь. В 1891 г. пастор Неовиус пригласил ее к себе в Порво. Она гостила в Порво и на островах вблизи Порво, где у пастора Неовиуса было летнее жилище. Здесь художник Берндт Лагерстам написал ее масляными красками, изобразив ее поющей пастору Неовиусу. Тогда же художница Элин Нордлунд нарисовала ее портрет. Она была здесь с 27.1.1891 до 2.6.1892 г. Это было самое светлое время для Параски. Она пела пастору Неовиусу, т.к. за время пребывания в Саккола он не успел собрать все песни Параски. Их еще надолго хватило. Это было самое беззаботное для Параски время. Правда, ее беспокоило положение детей дома. Её сын Василий, конечно, бывший уже взрослым, в 1889 г. женился; дочери Надежда и Татьяна тоже были взрослыми, но заработки были плохие, и дети всё время скучали по Параске и вспоминали ее. В Порво у пастора Неовиуса появилась идея привезти Параску петь в Хельсинки. Он написал об этом профессору Каарле Кроону. В ответном письме он пишет, в

частности: «Полагаю, конечно, что многие здесь охотно увидели бы Параску». В результате Параска приехала в Хельсинки и на годичном собрании Общества 14.3.1891 г. пела и привлекла там внимание. Там у нее появились новые друзья. Так, жена сенатора Доннера помогла ей, приняв ее у себя, да и потом не забывала о ней.

В июне 1892 г. Параска возвращается в родные места. В своем письме, датированном 18.6.(1892-А.М.) в Васкела она рассказывает о своем возвращении домой. Поскольку это письмо написано под диктовку Параски с по-своему освещает характер Параски, приводим его здесь.

«В этом письмеце предоставляю дорогому и близкому мне Пастору Неовиусу и всем живущим в его доме рассказ о моем возвращении домой. Мое возвращение домой было радостное и веселое, погода была прекрасная, в лесу красиво цвели деревья, чудесно пели птицы, черный мерин бежал чуть ли не сломя голову. Сын приехал, чтобы забрать меня из Выборга; с веселым сердцем и в смирении через два дня я была дома у родных.

Большой сердечный привет домашним, г-же Пакас, г-же Тёдтерман, экономке, г-же Инкснюё и г-же советнице.

Рюёкки Молен и слуге их Сюдестману, и прошу ответить, если вам будет скучно по мне, то напишите, прошу Вас, пастор, если мои средства уменьшатся, то будьте так добры и наладьте мне средства, которыми я попаду обратно.

Параскова Гаврилова.»

Дома у нее были неприятности. Появились разногласия с сыном и невесткой (женой сына-А.М.) о разделе собственности. Дело разрешилось общим согласием. Они разделили всё поровну. Раздел этот не оформляли. Тем не менее это время было печальным для Параски. Дети были на работах, одна из дочерей даже в Колтушах. Сама она болела. Она подумывала о продаже или сдаче в аренду доставшейся ей части собственности. Пастор Неовиус приглашал ее осенью 1892 г. приехать в Порво и оставить хозяйство на попечение дочери. Параска ответила в письме, датированном 27.9./1892/, что приедет. В ноябре же она в своем письме благодарит пастора Неовиуса за деньги на дорогу и обещает приехать сразу же, как только поправится. На смене года она и прибывает в Порво.

Она остается в Порво более долгое время. Уже тогда Параска начинает привлекать внимание наших художников.

Эдельфельт еще и до того знал ее. Эро Ярнефельт пишет пастору Неовиусу в январе 1893 г. и просит Параску приехать. Параска и приезжает к нему. Свои впечатления о ее пребывании у нее художник Ярнефельт следующим образом описывает в письме, адресованном Неовиусу 22.1.1893 г.

«Я был совершенно восхищен Параской и как моделью и вообще. От нее самой я слышал, что Вы предоставили ей оставаться здесь сколько надо ей самой, потому я и задержал ее так долго. Полагаю, что мог бы закончить в

ближайший четверг, так что она могла бы выехать в четверг утренним поездом, если Вы не продлите ее пребывания здесь. Та одежда, которая у нее с собой, исключительно красива, Поэтому я хочу просить Вас, дабы всё окончательно оформить, чтобы она задержалась здесь на несколько дней, а я послал бы это Вам почтой. Конечно, я позаботился бы, чтобы это как-нибудь не испортилось. Я уже написал Параску в нескольких разных видах; кроме того, вчера Эдельфельт занялся ею. Я исключительно благодарен Вам за то, что предоставили мне возможность столь интересной работы, которая наверняка многому меня научила.»

Как упоминает Ярнефельт в своем письме, Эдельфельт тоже писал портрет с Параски. В одной открытке пастору Неовиусу Ярнефельт говорит, что Эдельфельт много писал с нее. Особенно надо отметить картину Эдельфельта, которая сейчас (1910 г.-А.М.) находится в Выборгской ратуше, изображая Параску сидящей. Эта поза особенно удалась, ибо именно ее часто принимала Параска. Из картин Ярнефельта особенно примечательна «Причитающая Параска». Здесь художник увековечил момент, когда Параска прекраснее всего расцветает в своей поэзии.

Будучи в Хельсинки – тогда Ярнефельт был в Хельсинки - Параска оказалась и в других кругах. Она познакомилась также с архитектором Яковом Ааренбергом, была у него дома, познакомилась также с д-ром Т.Швиндтом. Во время этой поездки Параска смогла и иным образом обогатить ту сокровищницу, из которой мы познаем прошлое. Как исключительный знаток старых финских одежд и моделей а также искусная рукодельница, она оказала большую помощь д-ру Швиндту как в подборе одежд, так и в приобретении одежд для этнографического музея, а также в редактировании ценной работы д-ра Швиндта «Финские украшения» (Schvindt, "Suomalaisia koristeita", по Мишину, «Карельские узоры»). В предисловии к этой работе автор указывает: «Еще я должен отметить, сто в сфере украшений и узоров, в проверке сделанных мною примечаний а также в объяснении способов их изготовления мне очень помогла рунопевица Ларин Параска, которая как модельер была искуснейшей в своих местах.»

Дочь Параски, Татьяна

Параски
с мужем и двумя сыновьями
Палькеала

Могила

на кладбище в

Рис.с.32+

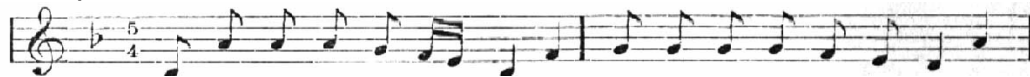
Параска и сама была довольна своим пребыванием в Хельсинки. В своих родных местах она рассказывала, как ей доводилось ездить в роскошных экипажах, летели, фыркая, лошади, а кучер спрашивал, на месте ли еще голова Параски, и еще добавлял скорости. Еще бабушка, смеясь, рассказывала, что ее выводили на сцену петь и хлопали в ладоши. Именно в этот раз она и могла побывать в Хяме, где сочинила песню о Хяме. Бабушка пела ее в минуты веселья, и это было очень игривое описание Хяме. Соседи помнили ее начало, начиналось это так:

"Hämehessä
härkäpoika
teki valkoisen
vasikan,
sukkajalan suilahutti".

Говорят, что Хяме бык
Сделал белого теленка
Ножками сучл в носочках.

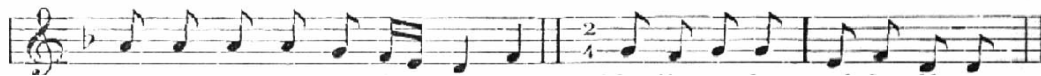
В Хяме отелился был
Белого принес теленка,
Белоногого бычка.
Мишин, 1986, с.155

(развернутый вариант в Кантелетар, – см.1981,с.с.110,112- А.М.). В это же время слушал ее и Жан (Jean, что не Ян, как принято у нас-А.М.) Сибелиус и отметил для памяти мотивы ее песен. Приводим здесь обычные мотивы Ларин Параски:

Pääs-ky lin-tu päi-vä lin-tu, Pääs-ky lin-tu
päi-vä lin-tu,

Лас-точка, птич-ка, дён-на птич-ка, лас-точка, птич-ка, дён-на
птич-ка,

Yö lin- tu le- päk- kö lin-tu, Yö lin-tu. le-
päk-kö lin-tu

Но-чи птич-ка, ле-ту-ча мыш-ка, но-чи птич-ка, ле-ту-ча
мышка,

Сведения Параски использовал, изучая эти старые мелодии рун, кроме Сибелиуса, еще и А.А.Борениус.

Из Хельсинки Параска поехала обратно в Порво. Там Неовиус еще мог записывать от Параски руны и прочее.

Как уже было отмечено, Параска не умела читать. Во время пребывания в Порво у нее появляется желание читать. Она решает взяться за чтение. Хотя ей было уже 60 лет, она проявила много энергии, чтобы научиться читать. Её учительницей была некая нейти (мадемуазель-А.М.) Шарлотта Молен. Писать буквы она научилась. Насколько ей это понравилось, указывает то обстоятельство, что еще в самых последних письмах посылала привет своей учительнице и благословляла ее за то, что вывела ее на путь чтения. Жить здесь Параске помешали домашние дела. В свое время она не могла выплатить налоги, так что теперь угрожали продать ее собственность. В декабре 1983 г. опять встал этот вопрос, но это так и осталось, поскольку заявления на продажу не были оформлены надлежащим образом. Теперь у пастора Неовиуса появилось намерение

выкупить для Параски избу. В 1994 г. Параска вернулась в свои родные места через Галицино, куда приехала встретить её дочь Надежда.

В июне того же (1994-А.М.) года известная английская писательница мисс Энни Клайв Бойли (Annie Clive Boyley, Мишин пишет А.К. Бойле) с женой пастора Неовиуса едут в родные места Параски. Мисс Бойли хотела ознакомиться с Финляндией. Они побывали в Васкела и жили два дня и две ночи в «Ларинской избушке». Госпожа Неовиус в своих воспоминаниях, в частности, пишет: «Мы побывали у нее до нашего отъезда из Метсяпиртти. Две ночи мы ночевали в избушке у Параски. Она была трогательно дружелюбна и всё хорошо устроила. Она сделала всё, что в ее силах, чтобы нам было удобно.» К тому времени Параске заплатили за выполненные ею рукоделия. Бльшую часть их она выполнила в Хельсинки, в частности, для г-жи Эдельфельт, мисс Бойле и других. Параске было уже под 70, но работа спорилась в ее руках. Несмотря на свою бедность, она старалась помогать другим. О ее готовности помочь заслуживает упоминания то, что она взяла к себе жить одну незамужнюю женщину с ребенком. Эта женщина искала, где жить, но никто не пускал. Потом жители деревни стали преследовать Параску, заставляя ее выгнать эту женщину. Боялись, что она окажется на их попечении. Параска искала у властей защиты от этих преследований.

Рис.с.34+ Эро Ярнефельт. Причитающая Параска.

"Kuuluthan ne kumiaiset
kellaset –
avahuathan ne taivaan
rautaset:
- ei avahu armattoman'
miel-alaiset!"

Слышишь те глух колокола -
Отворяются небесные запоры:
Не отворятся жестоки души низменны!

В это время Параска регулярно пишет пробсту Неовиусу. Она ходит до церкви Саккола, т.к. ближе не было писца (прежний писец ушел в армию). Пастор Неовиус зовет ее в Порво. Параска и сама бы непрочь, но не может оставить своих детей. В одном из своих писем она пишет: «Вот поговорю с детьми и, наверное, приеду.» Она скучает о пасторе Неовиусе и его семье: «Не могу не упомянуть, как видите, что у меня здесь одни долги, раз даже коровы нет, а когда беру кусок хлеба и солонку, всегда думаю, что была бы Параска в Порво, так было бы всего полно. Кофе-то можно было хоть десять раз в день пить. Теперь, приехав оттуда, сначала пила раз в день, а теперь нехватает и на кофе. Три недели нет в доме кофе, даже не попробовала.» О Рождестве она в своем письме рассказывает: «Рождественским утром, когда я ела холодную капусту и творог (tuaaria-А.М.), то думала, что была бы Параска там, в Порво, то не это бы ела, а были

бы другие рождественские угощения; ведь никогда не было у меня таких хороших дней, чтобы не упомянуть без благодарности.» В декабре она очень жалуется на кашель. Все же время от времени от пастора Неовиуса приходят деньги. Они уходили на питание. В январе 1895 г. она получает побольше денег и на них чинит свою шубу и говорит, что купила себе обувь. Её собственность грозят продать, и больной Параске приходится далеко идти, чтобы получить помощь. Всё же она всегда могла отсрочить продажу. «Конечно же мне помогут, обещали, что «Ларину избу» не продадут», - успокаивает она себя. Ее болезнь всё усиливается. В марте она прикована к постели. Ее очень притесняют. Она мечтает уехать в Порво, надеется, что поправится и что во всяком случае летом туда попадет. В своем письме она спрашивает о нейти (мадемуазель-А.К.) Молен, которая научила ее читать, и пишет: «Еще я хотела бы узнать о старом Рюёкки, о Молен, которая дала мне познание слова Божия, теперь я могу читать подряд, большое спасибо Вам за учение». Всё лето Параска болеет, В ноябре она еще больше слабеет. Ей пришлось перебраться к соседу, т.к. у нее не было средств на дрова. Она пишет пастору Неовиусу, что ей хочется в Порво. Поездка в Порво отпадает, т.к. она получает от д-ра Швиндта приглашение в Хельсинки, куда и едет. По пути Параска гостит в Выборге у г-на Борениуса. В Хельсинки она консультирует по старым одеждам и узорам, и некоторое время живет там. Оттуда она возвращается домой, и полученные в Хельсинки деньги помогают ей прожить. В какой-то мере и болезнь отступает весной 1896 г. Она чинит свою избу, и жизнь понемногу продолжается. В октябре Параска опять просит помощи у пастора Неовиуса. Следующий год труднее прежнего. Параска совсем прикована к постели; так, в декабре она пишет пастору Неовиусу, что Параска теперь совсем слабая, так, что даже не может выйти. Жить Параске плохо, никак не выбраться отсюда сразу, не посодействует ли Пастор, не могли бы Вы написать Сенатору».

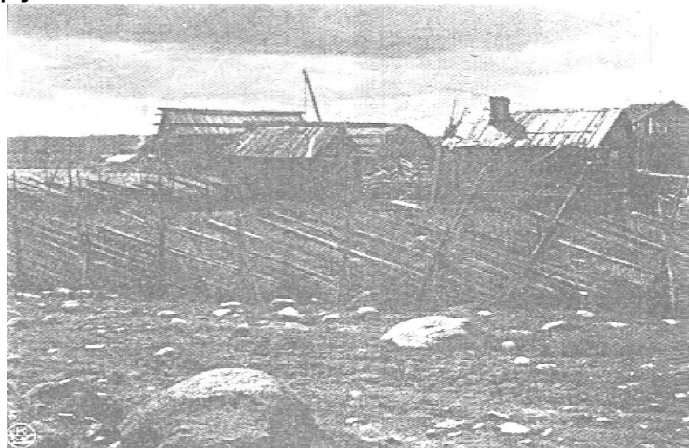

Рис.с.36+ Места дома Параски: на фото справа дом сына Параски Василия, прежде на этом месте была «Ларина изба»; напротив избы слева – маленький амбар, который был еще при Параске.

Еще в ноябре пастор Неовиус написал в Литературное общество о положении Параски. Он, в частности, пишет: «Я был бы благодарен, если Общество помянуло бы небольшой суммой денег старую Параску, которая теперь очень слаба и в бедности живет в своем доме в (волости-А.М.) Саккола.» От имени Литературного общества 22.12.(1997) секретарь Общества С.В.Ростен отвечает: «Сегодня, 3.12.(1997) здесь послано от Литературного общества настоятелю пастору Х. Бергстрёму 100 мк с тем, чтобы он добровольно выплатил их Параске по указанному Вами адресу. 1899 год был для Параски самым тяжелым годом. В октябре этого года были проданы ее собственность и дом. Невыплаченных налогов было лишь 200 мк. Это было тяжелое испытание. До последнего момента бабушка убеждала: «Не продавайте «Ларину избу», конечно же они мне помогут». Но с горечью и со слезами на глазах пришлось бабушке увидеть, как ее собственность перешла к другим. Так она лишилась состояния, ценность которого в наших условиях (1910 г.-А.М.) была бы 4-5 тыс.мк. Теперь Параске пришлось жить в соседской бане.

Надежда Параски еще раз попасть в Порво сбылась. Она отправляется туда в сентябре (1899-А.М.) Но болезненной, какой она была, не ужилась она там. Тяготила тоска по дому. Кроме того, она чувствовала, что ее силы убывают. Она хотела попасть домой и умереть там. В душе бабушки кружили думы:

"Sian tiijan, kussa synnyin, Ajan kaiken, kussa kasvoim, En tiedä sitä siaista, Kuhun kualeman tulloo, Kuolen korpee vai kottii, Vaiko kaaun kankahalle, Vai kaaun katoksen alle.	Вижу место, где родилась, Время всё, когда росла, Но не знаю того места, Куда смерть за мной придет Умру в дебрях или дома, То ль на вереск я паду То ли саваном накроют. Перевод вольный т.к. непонятно
---	---

Уже в январе следующего(1900?-А.М.) года она возвращается в родные места, чтобы тихо проводить свои дни. Она и далее получает пособие от пастора Неовиуса, от жены сенатора Доннера, а 3.6.1901 г. Литературное общество решает дать Параске годовую пенсию 100 мк.

Тихими были последние годы Параски. Болезнь то усиливалась, то отпускала ее. Живость ее лица всё более гаснет во всё углубляющихся морщинах грусти. Туловище/стан?/ всё более горбится, слаба и неуверена поступь старухи. Когда жизнь казалась полегче, опять проявляется оживленный характер Параски. Она напевала и рассказывала о своих поездках. Часть года она жила у своей дочери Татьяны. Её сын выкупил ее избу, и там она жила остаток жизни. С 1902 г. едва ли не всё время она в постели. В ноябре она пишет пастору Неовиусу. Письмо унылое, каждая строчка веет страданием. Тогда Параска была очень слаба. Её дочь

Надежда ухаживала за ней. Изба была очень холодная. В холоде и нужде провела она свои последние дни. 3.1.1904 г. , в 10 часов утра закончились страдания её жизни. Певучая душа слилась с мелодий бесконечности.

В ЛАРИН ПАРАСКЕ уснуло прекрасное пламя жизни, ушла в мир иной (в Маналу, бкв.) певица, верная звукам своего сердца. С черного неба глубокой тоски ее жизни яркими звездами сверкали ее мотивы. С полным основанием говорила она о себе:

"Kuka kuuli laulavani, Ken kuuli kujertavani, Sanoi kuunnellessaase, Voi kun tuo los eleääpi Viettä ilon vaanhaetaapi.	«Те, кто слушал мое пенье, И кто слушал мои плачи, Приговаривал при этом: Кабы радость жила долго В радости б и застарела.
--	--

Enkä mie ilolla laula, En riemulla reuhajele, Laulan suulla surkialla, Laulan suurella surulla, Melkiällä miel'alalla.	Я бы в радости не пела, С радости бы не шумела Пою с горечью во рту я Пою в горести великой, В настроении унылом.
--	---

Miull' on ikuiset iloni Surulliset suusanasein, Virrein on veen sekaiset Ves' on tilkat virsissäni, Laulussain on lammikkoiset.	Для меня всегда же радость, Чтоб тоску излить словами, Стихом, смешанным с слезою, Воды капельки в стихе лишь, С песнею же будут лужи.
---	--

Mie vaan huvan huolissain Ikävissäin mie iloitsen Paa'on pahoissa mielessäni. Suru virret suuhun tuopi Ikäväinen itkettäpi Huolet lasta laulattaate".	Мне забавой лишь забота, В гореваньи моя радость, В настроенье понужденья, Грусть стихи в рот доставляет, Как тоскующий лишь плачет, Груз забот петь заставляет.»
--	--

Певица она была исключительная. В ее рунах чувствуется тонкое поэтическое чутьё. Как толковательницей своих рун ею восхищались. В ее поэзии вводится в душу много забытых слов, добавляются и новые. Для изучающих древность она была великолепным знатоком. И не только своих собственных рун, но и в познании древних одежд и фасонов. Её знания и советы оказывались необычайно ценными. Зная наши прежние мотивы, она помогала и в сочинении музыки. Наверное, в неменьшей степени заслуживает признательности тот импульс, который дали ее искусство и личность в отношении прежних времен для наших, да и для зарубежных деятелей искусства. Такой гражданин заслужил лучшие лавры благодарности своего народа...

В тихом сумраке сосен на кладбище Палькеала несли сельские жители земные останки Ларин Параски к последнему месту её успокоения. Здесь спит она под соснами, под черным крестом как знаком скорби и печали на ее могиле. Единственная плакальщица причитала на ее могиле летним (так-А.М.) вечером:

"Nyt sie oot peitetty niillä iku-
peittehoisilla,
nyt sie oot katattu niillä iku-
kattahoisilla,
eihän ne paista nyt ne Jumalan
päiväset,
eihän ne tuule nyt ne Jumalan tuulokset,
eihän ne sa'a nyt ne umeoiset utu-
satehoiset,
ei viere ne vesi-pisaret päälle mun
kyllin-kyntäjäisein!-
Johan se on kylmänyt – sun kieloiseis
kivosen verralliseks',
johan se on kauhaellut – sun
kaunehoinen kasvo-vartaseis –
Kauhaellut
laho-kannon karvalliseks',
johan se on muuttunut – sun
muhainen muotoseis –
sen
muhaisen mullan muotoiseks'! – "

Вот закрыта ты вечным саваном,
Вот накрыта ты вечным саваном,
Не греют ее теперь дни Господни,
не веют на нее теперь ветры Господни,
не моросит на нее дымка-дождичек,
уж помимо нее пота капельки мого пахотна
уже ж похолодело - твоё ландышево будто
каменно,
уже ж это пугает - твои прекрасны лицо-
рученьи,
пугают твои рыхлы
волосы,
уже ж это изменилось - твои рыхлые формы
- рыхлой земли
наподобие.

Теперь на могильном холмике Ларин Параски открыт благодарственный памятник, воздвигнутый Молодежным обществом Южной Карелии и Финским литературным обществом. В память и в честь Ларин Параски собрались любители карельского сказительства к холмику не ее могиле.

Будем же помнить Параску как тонко чувствующую, оживленную, религиозную певицу, которая, давимая горестями жизни, шла по жизни скромно, с верой, в традиции своих предков и - с песней. В одном из писем своим родным собиратель великих духовных богатств Параски, величайший ее благодетель и утешитель ее горестей и печалей пастор Неовиус говорит: «Много раз я вспоминал Параску и всегда вспоминал ее благородство, в моей памяти она всегда остается для меня любимой и незабвенной».

Пусть же нынешнее и будущие поколения хранят незабвенной память Ларин Параски. Как на этот памятник, открываемый на могиле не повлияют перемены времени, так же пусть сохранится в нашей груди неизменным чувство глубокого уважения к делу жизни Ларин Параски. Когда живущие поколения чтят память своих отцов и матерей, этими благородными воспоминаниями они закладывают основы своего будущего. Любовь и понимание финского духа отцов и матерей снова пробуждают в нашей груди лучшие моменты финской жизни. Пусть же воздвигнутый на могиле Ларин Параски памятник будет каплей благодарности выдающейся певице нашего прошлого, пусть это будет и цветком надежды, который пробуждал бы в нас мечты о новой, финской жизни.

Любовь к прошлому, ко времени рун и мелодий пробуждает в нас памятник Параске, Любовь к тем временам пусть всегда пробуждает в нас память Ларин Параски.

* * *

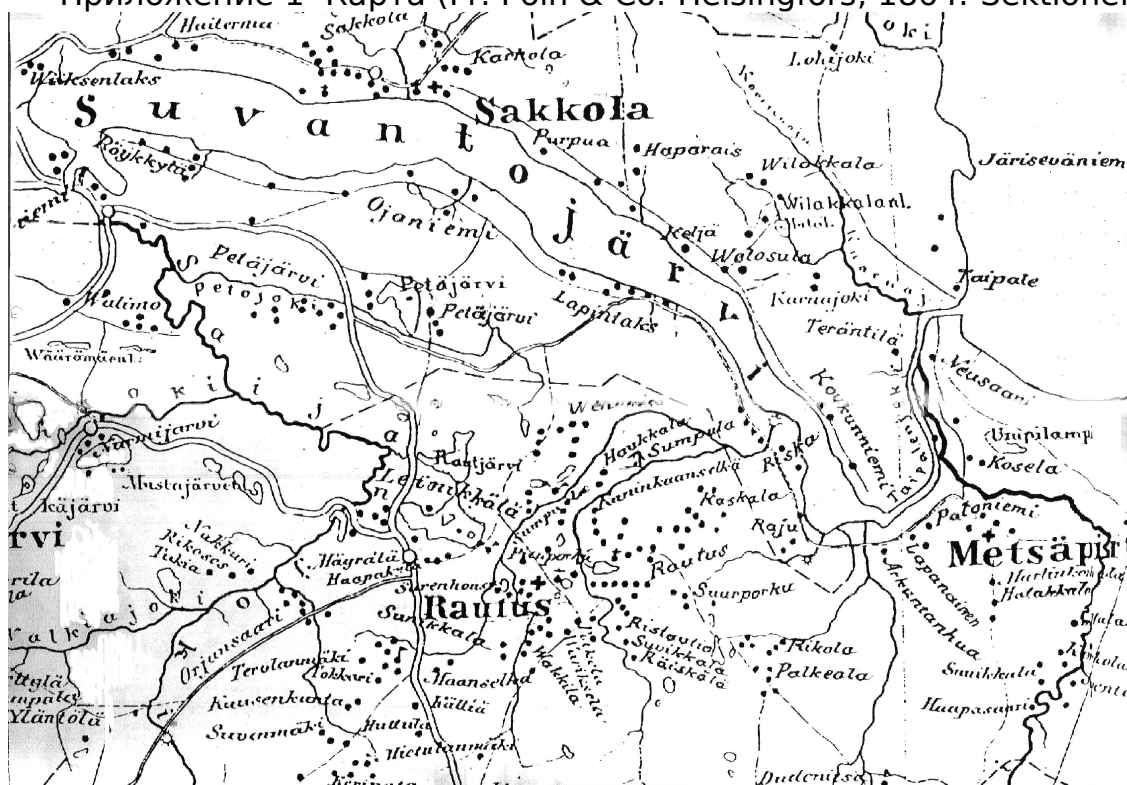
Выражаю благодарность тем достойным личностям, которые помогли мне в работе, сообщая свои воспоминания о Параске и предоставляя для использования свои материалы. В особенно большом долгу я чувствую себя перед настоятелем Неовиусом, который с готовностью предоставлял мне для использования свои записи а также предоставлял информацию, во многом способствуя моей работе.

При этом прошу известить любителей поэзии Параски, что я намереваюсь в ближайшем будущем опубликовать обзор поэзии Параски.

Автор

Приложения к переводу

Приложение 1 Карта (Fr. Poln & Co.-Helsingfors, 1864.-Sektionen F5)

Приложение 2 Список географических названий

Аркунтанхуа=	3 км западо-юго-западнее с. Запорожское
Васкела	
Косела	1-2 км к северу от с. Запорожское
Коуккуниemi	4 км к северо-западу от с. Запорожское
Лапанайнен	1-2 км к западу от с. Запорожское
Лемпаала	Юго-западный берег оз. Лемболовское
Матокса	10 км восточнее ж/д ст. Грузино
Метсяпиртти	с. Запорожское
Мискунмяки	Южнее Лемболовского оз., между сс. Охта и Кюлятке
Палькеала	с. Замостье
Патамяки	Северная оконечность Лемболовского оз.
Патониemi	Не найдено
Петярви	Петярви
Рауту	Сосново
Раайу	Удальцово
Рииска	8 км к северо-западу от с. Запорожское
Ряйзыранта	Понтонное, с., 8 км к западу от с. Лосево.
Сааройнен	Пятиречье, с.
Саккола	Громово
Хотаканмяки	Не найдено

Приложение 3.

Неовиус, биографическая справка

Неовиус, Адольф Аларик, священник, историк-исследователь, род. Уусикаупунки, 20.6.1858, ум. 16.11.1913; родители - окружной врач Карл Адольф Н. И Матильда Густава Бойе (Boije). Жена: 1) Анна Елизавета фон Шантс, с 1885, ум. 1902, родители - землемер Клас Густав фон Ш. И Фанни Аннет Валроос(Wahlroos); 2) Элен Паулин Генриетта Тёрнберг (её 2-й брак), с 1906, ум. 1946, родители - судебный исполнитель Карл Генрик Т. и Андриетта Вильгельмина Монсон(Månson). Студент с 1880, рукоположен в священники в 1885. Экстраординарный священник в Саккола в 1885-1889, личный секретарь епископа К.Х.Алопеуса в 1889-1902, нотариус духовного капитула собора Порво 1893-1902, настоятель в Лохья 1902-1913, секретарь миссионерского общества для моряков Финляндии 1882-1884, секретарь общества по истории церкви Финляндии 1892-1902, член правления 1902-1905, член архивного комитета с 1897 г. Публикации:

- Руны Параски.-1903. (Parasken runoja.-1893.)
- Специальный каталог соборного капитула в архиве Порво, 1, 2, 4.-1891-1893.(Specialkatalog öfver domkapitlets i Borgå arkiv I-II,IV.-1891-1893.)
- К истории Финляндии, публикация из бумаг Алопеуса, 1-3.-1890-1895 (Ur Finlands historia, Publikationer ur de Alopaeska rappren I-III.-1890-1895.)
- Anteckningar rörande Borgå stads och sockens historia.-1897
- Посещение Князя Финляндии, 1900. (Furstebesök i Finland 1900).
- Хронография Скандинавии.-1903-1906.(Chronografia Scandinaviae.- 1903-1906)
- Кадастр Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии.-1890, доп. вып. 08. (S.evank.-lut. kirkon matrikkel 1900 (lisäviikko 08))
- Документы и материалы исследований по истории Финляндии до 1904 г.-1912. (Akte och undersökningar rörande Finlands historia intill år 1401.-1912)

Редактирование - в частности, протоколов духовной консистории Або за 1656-1661 гг.-1899-1902.(Consistorii ecclesiatici Aboensis Protokoller 1656-61.-1899-1902).

Приложение 4.

К родословной Ларин Параски
(по данным Микко Уотинена, составил А.К.Молчанов)

1. Родоначальник (начало XVIII в.?)
 - 2.1. 1-й сын (4 сына)
 - 3.1. 2-й сын (5 сыновей)
 - 4.2. Йеро
 - 5.2. Микко
 - 6.3. Лари
 - 7.4. Василий
 - 8.5. «Микколан укко» (Микита?), Васкела
ж.: Оуте Комонен, Ряйхяранта
 - 9.7. «Йеролан укко»
 - 10.7. Татьяна Васильевна (ок.1800-1868), Васкела
 - 11.8. м.: Микита Микитинпойка (1802-1851), Васкела
 - 12.x. Степан (из рода Лари)
 - 13.11. Параска (27.12.1833-3.1.1904), род. Лембола(?)
 - 14.12. м.: с 16.7.1953, Гаврил Степанов (1813-1887), Васкела
 - 15.14. Татьяна (22.6.1854-1954.9.хх)
 - 16.14. Василий (1856-1856)
 - 17.14. Надежда (1858-хххх)
 - 18.14. Татьяна (9.5.1861-хххх), 7 детей
м.: с.1884 Туомас Литманен, Лапанайнен
 - 19.14. Василий (1864-хххх), 3 детей
ж., с 1889 Татьяна Александровна, Палькеала
 - 20.14. Василий (1867-1872)
 - 21.14. Насто (1874-1875)
 - 22.14. Степан (1877-1877)
 - 23.14. Дочь (1878-1878).
 - 23.15.

Приложение 5. Даты биографии Ларин Параски

1833, 27.12 - рождение (Лембола)

1853, 16.7 - замужество (Васкела)

1887 - смерть мужа, встреча с Неовиусом, начало записи рун

1890 - переезд Неовиуса в Порво

1890, 27.1-1892, 2.6 - приезд Ларин Параски в Порво и Хельсинки

1893- публикация записей в Финляндии и Германии

1893, янв.- 1894, май - 2-й приезд Ларин Параски в Финляндию; портреты

1894- передача записей Неовиуса в Литературное общество

1899 - трудный год; продажа участка и дома

1900, сент.-1901, май 3-й приезд Ларин Параски (Порво)

1904, 3.1.- смерть Ларин Параски.

PARASKEN HAUDALLE PYSTYTETTY MUISTOKIVI